

А. С. Стыкалин

ТИТОВСКАЯ ЮГОСЛАВИЯ В ПОЛЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД МОНОГРАФИЕЙ А. С. АНИКЕЕВА

Библиография работ, посвященных советско-югославскому конфликту 1948 г., его влиянию как на характер отношений внутри советского лагеря, так и на противостояние двух военно-политических блоков, пополнилась новым интересным исследованием¹. В центре внимания автора — эволюция внешнеполитической концепции режима Тито вследствие разрыва с Москвой, роль Югославии на международной арене в конце 1940-х — конце 1950-х гг. в качестве не только субъекта самостоятельной внешней политики, но и объекта устремлений более крупных государств. Существенное место в работе занимает сравнительно-исторический аспект — речь идет в первую очередь о сопоставлении подходов СССР и США к югославской проблеме, сравнении реальной политики каждой из сверхдержав в отношении режима Тито уже после смерти Сталина, в условиях постепенного смягчения советско-югославских отношений, сменившегося в конце 1956 г. кратковременным похолоданием, за которым последовала довольно длительная полоса «приливов» и «отливов». В обстановке не прекращавшегося противоборства двух систем обе великие державы неустанно тянули Белград на себя, причем соперничество в борьбе за влияние на Югославию сопровождалось стремлением каждой из сторон навязать ей определенные внешнеполитические приоритеты, все более расходившиеся с тем, как понимали место Югославии в мире Тито и его окружение. Сопоставление целей, которые преследовали Москва и Вашингтон в своей югославской политике в меняющихся исторических условиях (вторым после 1948 г. водоразделом стала весна 1953 г.), приводит автора к существенным выводам, способным обогатить наши представления о соотношении доктринально-идеологического и сугубо прагматического начал во внешней политике СССР (особенно в первые послесталинские годы). Это относится и к внешней политике США в эпоху Трумэна с его доктриной «сдерживания» коммунизма, и в эру Эйзенхауэра, когда на смену этой концепции приходит более радикальная и наступательная идея освобождения Восточной Европы из-под «ярма» Советов.

Поскольку истоки целого ряда проблем послевоенной истории восходят к предшествующему периоду, в первой главе автор тщательно анализирует политику СССР, США и Великобритании в отношении Югославии в годы Второй мировой войны. Он показывает, что именно с событиями вокруг этой страны весной 1941 г. были связаны «первые симптомы отхода от доминировавшего ранее советского взгляда на начавшуюся войну как борьбу двух империалистических групп за свои интересы в сторону понимания необходимости формирования союза с Западом на антигерманской основе» (с. 20)².

Стыкалин Александр Сергеевич — старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, кандидат исторических наук

С лета 1941 г., в условиях войны на советско-германском фронте и развернувшейся борьбы за освобождение Югославии, решающее влияние на позицию антифашистских держав по отношению к политическим перспективам этой страны оказывала расстановка сил в ее движении сопротивления. После оккупации и расчленения Югославии ее легитимным представителем становится эмигрантское правительство во главе с Д. Симовичем. Его позиции перед лицом союзников по антигитлеровской коалиции были, однако, значительно ослаблены вследствие поддержки четнических формирований Д. Михайловича. Четники были не только совершенно не способны возглавить освободительное движение даже в сербских землях, но и открыто конфликтовали с партизанами Тито, все более задававшими тон в борьбе за лидерство в послевоенной Югославии. (Говоря об успешно разыгранной Кремлем и КПЮ карте, когда четникам было предъявлено обвинение в сотрудничестве с оккупантами, автор не до конца, на наш взгляд, проясняет вопрос, может ли применительно к отрядам Михайловича речь идти только лишь о «программном бездействии» в ожидании высадки британского десанта на Балканы либо о прямом сговоре с оккупантами.) Анализ сложившейся расстановки сил в Югославии заставил Черчилля в канун 1944 г. сделать немаловажный вывод: «Наша политика должна основываться на трех новых факторах: партизаны будут правителями Югославии. Они так важны для нас в военном отношении, что мы должны оказывать им полную поддержку, подчиняя политические соображения военным. Крайне сомнительно, сможем ли мы впредь рассматривать монархию как объединяющий элемент в Югославии» (с. 31).

Наряду с военными успехами партизан на точку зрения Черчилля повлияло укрепление после Сталинграда и Курска позиций СССР внутри антигитлеровской коалиции, заставлявшее союзников переходить в отношениях с Москвой к поиску далеко идущих компромиссов. Со своей стороны Москва, активно поддерживая Тито, в то же

время пыталась несколько остудить накал ультралевых настроений в югославском руководстве. Ее рекомендации призывали КПЮ не забегать вперед с осуществлением на контролируемой территории социалистических преобразований по советским моделям, воздерживаться от деклараций и действий, которые могли быть расценены западными союзниками как пролог к коммунистическому завоеванию страны. Тито предстояло также скорректировать отношение к эмигрантскому правительству И. Шубашича. Все это должно было облегчить признание Западом права КПЮ на ведущие позиции во власти в будущей Югославии. Принятое в Ялте в феврале 1945 г. решение о формировании коалиционного правительства Тито—Шубашича, быстро проложившего дорогу единовластию КПЮ, подтвердило оптимальность избранной Кремлем тактики.

Известно, что джентльменское соглашение между Сталиным и Черчиллем, заключенное в октябре 1944 г. в Москве, предполагало, что в Югославии советское и британское влияние распределится поровну. Для Черчилля, как он признал в послании своему кабинету, это означало не что иное, как проведение двумя державами согласованной политики в этой балканской стране. Между тем в договоренность не мог не вплестаться, по сути дела ставя ее под сомнение, внутренний фактор — подъем освободительного движения народов Югославии. В советских планах, касающихся послевоенного будущего Балкан, Югославии отнюдь не придавалось решающее значение. Так, согласно некоторым проектам, разработанным в Наркоминделе в 1944 г., не исключалась даже «передача» Великобритании Югославии и Албании в обмен на полную свободу рук в Румынии и Болгарии. Однако внутренний революционный фактор работал в пользу Москвы, давая возможность «в перспективе рассчитывать на изменение возможных договоренностей с англичанами, не нарушая их формально, но ссылаясь на объективный «ход истории»» (с. 62). Динамика революционного процесса в Югославии не только опережала исходные кремлевские установки, но и с трудом поддавалась контролю Сталина. Она заставляла Москву вносить существенные коррективы в свои изначальные планы, не предполагавшие, хотя бы из тактических соображений, слишком форсированной советизации Югославии.

А. С. Аникеев приводит интересные документы, согласно которым Лондон, планируя свои действия в отношении Югославии, уже летом 1944 г. делал определенный расчет на амбициозность Тито, надеясь, что его претензии к установлению югославской гегемонии на Балканах приведут рано или поздно к конфликту с Кремлем. Так, в материалах Форин офис именно Тито назывался в качестве возможного выразителя интересов тех политических сил в Югославии, которые в противовес стремлению СССР доминировать в регионе, проявят некоторую склонность к сотрудничеству с Великобританией. Расчеты на столкновение советских и югославских амбиций покажутся небеспочвенными, если вспомнить о титовской концепции балканской федерации (конец 1944 г.), интегрирующей в себя Болгарию на правах одного из элементов семичленной югославянской конструкции (наряду с Сербией, Хорватией и т. д.), о его претензиях на болгарскую и греческую части Македонии, о не согласованной со Сталиным наступательной операции в районе Триеста, приведшей в мае 1945 г. к локальному международному конфликту³. Когда летом 1945 г. на конференции в Потсдаме британской стороной был поставлен вопрос о невыполнении Тито ялтинских соглашений о сотрудничестве с силами буржуазной демократии, советский лидер, возможно, не совсем иронизировал, сказав Черчиллю, что и сам «часто не знает, что собирается предпринять Тито» (с. 73). Во всяком случае, на протяжении 1945 г. Тито в диалоге с Москвой неоднократно приходилось лавировать в стремлении уйти от патерналистской опеки Кремля, недовольного великодержавными планами Белграда. Они были способны не только усилить напряженность на Балканах, но и вызвать несвоевременные осложнения в отношениях СССР с западными союзниками, с которыми Москве предстояло решить целый комплекс проблем послевоенного урегулирования. В канун Ялты советская сторона во избежание трудностей на предстоящих переговорах дала задний ход в вопросе о создании югославо-болгарской федерации в какой бы то ни было форме и даже о заключении союза между этими странами вплоть до подписания мирного договора с Болгарией.

Разрабатывавшиеся в годы войны комиссиями Майского и Литвинова планы послевоенного устройства базировались на не оправдавшихся представлениях о том, что СССР придется балансировать между США и Великобританией, играя на противоречиях между ними. При этом недостаточно учитывались как неизбежная перспектива ослабления Великобритании в послевоенном мире, так и общность интересов двух западных держав в совместном противостоянии советской экспансии. На заключительном этапе войны начинается постепенное перераспределение ролей между слабеющим Лондоном и усиливающимся Вашингтоном. Неспособность Англии противопоставить советскому давлению адекватную сдерживающую силу заставила ее заокеанского союзника уже с конца 1945 г. заметно оживить свою европейскую и средиземноморскую политику, с тем чтобы заполнить геополитический вакуум, образовавшийся вследствие ускорившегося распада Британской колониальной империи. Как доказывает Аникеев, Вашингтон был не слишком готов к исполнению выпавшей на его долю глобальной миссии: «Расчеты Рузвельта на благоразумие и сдержанность Кремля в сотрудничестве с Западом в деле реконструкции Европы содержали значительную долю иллюзий, вытекавших из недостаточного еще в то время понимания сущностных характеристик большевистского государства, либо недооценки имевшихся на этот счет данных. Так, отвечая в начале 1944 г. на слухи о том, что русские собираются доминировать во всей Европе, американский президент предположил, что у них слишком много внутренних проблем» (с. 69). На укрепление иллюзий в отношении Москвы особенно повлиял, по мнению Аникеева, сталинский политико-пропагандистский маневр с роспуском Коминтерна в 1943 г., воспринятый на Западе как подлинное изменение стратегии советского режима, отказ от коммунистического мессианизма в интересах внутренней политики. Насколько можно понять из контекста, автор не просто констатирует ограниченность позиции США, но не избегает и эмоционально-

степени это касалось британского руководства) по отношению к СССР в течение всей войны» (с. 70). Стоит ли здесь говорить о крайней бестактности такой постановки вопроса по отношению к стране, чья армия вела кровопролитные бои на советско-германском фронте, а гражданское население на огромной территории переносило все тяготы оккупации. Цена «наивной благожелательности» выразилась не только в ускорении советизации Восточной Европы, но и в спасении многих человеческих жизней в СССР благодаря поставкам по ленд-лизу.

С осени 1945 г. отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции вступили в фазу обострения. Кремлевские политики, как замечает А. С. Аникеев, с последних месяцев войны стояли перед очень непростой дилеммой: им нужно было в целях укрепления советского влияния в Восточной Европе «организовать» пролетарские революции в странах, где для этого не было внутренних предпосылок, и создать военно-политический блок, а с другой стороны по возможности избежать ухудшения все еще важных для них отношений с Западом. Попытки лавировать между двумя взаимоисключающими целями не имели перспектив. В конце концов советское руководство отказывается от предлагавшегося западными союзниками долговременного сотрудничества, окончательно избирает более органичную для себя экспансионистскую стратегию, которая наряду с другими методами предполагала и подрыв империализма изнутри, с помощью компартий. Жесткий силовой (по образному выражению Аникеева «бульдозерный») подход, в котором слились воедино и большевистский мессианизм, и старые имперские планы расширения зоны российского влияния на Балканы и Восточное Средиземноморье, не мог не вызвать на Западе столь же жесткой ответной реакции.

Конфликтность сталинской политики в конкретных условиях 1945 г. нельзя приуменьшать, но не стоит, как нам кажется, и преувеличивать — достаточно вспомнить о позиции, занятой во время триестского кризиса, и о первоначальном отказе поддержать коммунистический путч в Греции. (Как справедливо отмечает Аникеев, Сталин, последовательно руководствовавшийся «процентным соглашением» о влиянии на Балканах, временно «сдал» Западу Грецию, рассчитывая взамен получить полную свободу рук в Румынии, и был весьма разочарован, когда возникли сложности с признанием правительства П. Грозы. Черчилль, в свою очередь, сетовал, что право на свободу рук в Греции, — как выяснилось в 1946 г., весьма не безусловное — было к тому же куплено Западом слишком дорогой ценой, ибо другие балканские страны пришлось, по сути дела, сдать СССР). Не было чем-то исключительным и сталинское представление о том, что политическое устройство в освобождаемой от фашистов стране будет диктоваться, прежде всего, освободителем — этого тезиса вполне придерживались, пусть не всегда афишируя его, и Черчилль, и Трумэн. Как можно было бы доказать с помощью сравнительно-исторических исследований, не был чужд англо-американцам и присущий Сталину инструментально-прагматический подход к текущей политике, при котором вчерашние партнеры (например, Чехословакия) могли быстро превратиться во врагов вследствие корректировки внешнеполитической ориентации и изменения характера власти.

Вероятно, истоки раскола антигитлеровской коалиции следует искать в более конкретной плоскости (что, кстати говоря, не противоречит позиции автора). Среди таких факторов можно назвать и сталинскую ирано-азербайджанскую авантюру 1946 г., и жесткую политику в отношении Турции в вопросе о проливах, и нежелание Москвы хотя бы отчасти признать за западными державами право контроля за соблюдением демократических принципов в странах будущего советского блока. Последнее в полной мере касалось и Югославии, быстрее и успешнее других стран «народной демократии» осуществлявшей социалистические реформы по советскому образцу, что, впрочем, отнюдь не противоречило панбалканским гегемонистским амбициям режима Тито. Его активное вовлечение в гражданскую войну в Греции на стороне коммунистов поначалу отвечало стратегии Москвы, к 1946 г. склонившейся к более решительной, хотя и скрытой поддержке прокоммунистиче-

ских сил в этой стране. В то же время оно преследовало собственные цели (в частности, объединения под своей эгидой всех частей Македонии). Запутанный узел национально-территориальных противоречий в этой части Балкан, рассмотренный в работе Аникеева в тесной связи с выдвигавшимися проектами федерализации, сказывался и на отношениях компартий, прежде всего югославской и греческой.

Вмешательство Болгарии, Югославии и Албании в дела Греции при дистанцированной поддержке СССР ускорило оформление в Вашингтоне нового внешнеполитического курса, призванного сдержать советскую экспансию в Юго-Восточной Европе (так называемая «доктрина Трумэна»). «Эйфория эпохи Рузвельта, создавшая харизматический ореол вокруг Сталина, уступала место программному антисоветизму Трумэна: страны, «инфицированные» коммунизмом, но находящиеся вне зоны влияния Кремля, американцы решили спасти с помощью долларов и оружия» (с. 110—111). Намерение Вашингтона усилить свое военное присутствие в Греции (а в Москве знали о подобных планах из сообщений своей разведки) уже в 1947 г. вызвало озабоченность в Кремле. Там резонно опасались, что решительное контрнаступление проправительственных сил при американской поддержке могло привести к перенесению военных действий на территорию стран «народной демократии», что уже грозило прямым советско-американским столкновением. В конечном итоге СССР отказался от активной политики в Греции. Поскольку Югославия продолжала и дальше демонстрировать такую активность,

небезоснователен вывод А. С. Аникеева о том, что именно «политика США и Британии на Балканах усилила скрытые противоречия внутри советского блока, и в частности между Москвой и Белградом, став дополнительным катализатором назревающего советско-югославского конфликта» (с. 111). Большое внимание к греческому контексту советско-югославского конфликта определяет новаторский вклад Аникеева в разработку данной тематики. Как доказывает автор, война в Греции возымела для советской политики и более широкие последствия, не ограничивавшиеся проблемами Балкан: крах замысла греческих коммунистов, пытавшихся вооруженным путем захватить власть в стране, стал и первым провалом советской стратегии поэтапного коммунистического завоевания Европы, после которого Кремль с большей осторожностью поддерживал вооруженные прокоммунистические движения.

Достигнутая между ВКП(б) и КПЮ высокая степень сотрудничества в различных областях не могла защитить Югославию от возможного возникновения конфликта. Как уже отмечалось, поддержка Советским Союзом режима Тито все более сопровождалась некоторым сдерживанием (не без оглядки на позицию Запада) его гегемонистских устремлений. Все-таки в 1945—1947 гг. Москва до известной степени допускала патронаж КПЮ над другими балканскими компартиями (особенно албанской и греческой), в 1947 г. был снова включен в повестку дня план балканской федерации. Предостерегая обе стороны (Югославию и Болгарию) от торопливости, которая могла быть использована «реакционными англо-американскими элементами» для усиления вмешательства в греческие и турецкие дела, и проявляя известную раздражительность в связи с чрезмерной самостоятельностью Тито, Сталин все же вплоть до «рокового» поворота в феврале—марте 1948 г. не отвергал идеи максимального сближения двух стран. Он видел в этом шаг к созданию военно-политической группировки, способной обеспечить стратегические интересы Москвы на Балканах, и рассчитывал на смягчение болгаро-югославских противоречий в македонском вопросе. Запад с настороженностью относился к любым проектам южнославянской федерации, включающей Болгарию, поскольку воспринимал их как прикрытие имперских устремлений СССР. Однако выдвинутая в качестве альтернативы идея более широкой федерации с участием Греции и Турции оказалась мертворожденной в условиях раздела Юго-Восточной Европы на сферы влияния.

Предпосылки и развитие советско-югославского конфликта 1948 г. неплохо изучены в последнее десятилетие в обстоятельных работах Л. Я. Гибианского⁴. А. С. Аникеев, обращаясь к этой тематике, делает акцент на ревнивном отношении Сталина к растущему влия-

нию Тито, на все большем раздражении советского лидера неконтролируемыми действиями Белграда во внешней политике, которые не только способствовали сохранению ненужной напряженности на Балканах, но и, что было для Сталина еще важнее, ставили под сомнение иерархический принцип подчинения мирового коммунистического движения Москве, вели к возникновению полицентрических тенденций в советском лагере и, следовательно, ослабляли имперские позиции СССР. При этом наряду с более общими причинами для недовольства советского вождя политикой Югославии существовали, как показывает автор, и более конкретные. Прямое вооруженное вмешательство США в Греции как противодействие непомерным югославским амбициям могло не только привести к непосредственному советско-американскому столкновению, но своими непредвиденными последствиями в какой-то мере помешать реализации наступательных планов Кремля в Центральной Европе. В повестке дня на февраль 1948 г. стояли осуществление коммунистического путча в Чехословакии, разгром оппозиции в Венгрии, нанесение решительного удара по национал-коммунистическим тенденциям в Польше. Среди вынашивавшихся Сталиным и его окружением замыслов была и дерзкая авантюра с блокадой Берлина. Если принять во внимание этот центральноевропейский контекст, делается понятнее стремление Москвы положить конец неконтролируемой активности Белграда не только в данный момент, но и на обозримое будущее. Вместе с тем отказ Югославии от активной политики в Греции, произошедший к середине 1949 г., не столько явился следствием сталинского диктата, сколько был мотивирован заботой о сохранении собственных ресурсов в условиях ширящегося конфликта с СССР. Однако едва ли не главную роль здесь сыграло давление Запада — прекращение поддержки греческих партизан выдвигалось в качестве необходимого условия экономической помощи, без которой выживание режима было весьма проблематично.

Анализ предпосылок советско-югославского разрыва привел автора к выводу: в основе латентной конфликтности внутри советского лагеря, заложенной в нем изначально и вылившейся в открытое противостояние Москвы и Белграда (а позже Пекина), лежала дефектная модель межгосударственных отношений. Она полностью копировала большевистско-коминтерновскую схему «демократического централизма», предусматривала строгое иерархическое подчинение «младших» компартий «старшей», была совершенно неспособна совмещать общепартийные и национально-государственные интересы. Весной 1948 г. был нанесен мощный удар по укрепившимся в КПЮ иллюзиям о том, что заслуги в борьбе с фашизмом и, выражаясь современным языком, более автохтонное в сравнении с другими восточноевропейскими странами содержание югославской революции дают этой партии право на особые, более равноправные отношения с ВКП(б). При этом не следует преувеличивать спонтанный характер произошедшего, то есть видеть истоки конфликта исключительно в неадекватной, психопатической реакции «отца народов» на конкретные попытки проявления югославами самостоятельности. Психологическая война против режима Тито стала важнейшей составной частью более широкой, заранее спланированной (хотя и претерпевшей существенные метаморфозы в процессе реализации), превентивной кампании по борьбе с концепциями национального коммунизма в рамках мирового коммунистического движения. Ее начало было положено еще в сентябре 1947 г. на первом совещании

Коминформа. Поляризация сил в послевоенном мире, со всей очевидностью обозначившаяся к 1947 г., лишь ускорила возникновение изначально «запрограммированного» острого конфликта внутри лагеря и выбор жертвы, которой в силу обстоятельств стала Югославия. Своим «непониманием» текущего момента, проявившемся в еретическом требовании более равноправного диалога с ВКП(б) в условиях раскола антигитлеровской коалиции, югославы, по мнению А. С. Анিকেева, несколько выпадали из общего ряда сателлитов Москвы (здесь тоже, впрочем, не стоит впадать в преувеличения — автор не может не признать, что до весны 1948 г. в Вашингтоне имелись все основания рассматривать Белград как едва ли не самого верного союзника Москвы и проводника ее интересов

в регионе). В итоге не замедлила последовать жесткая реакция Москвы. По мнению автора, в ней проявилась тактическая недалекость: даже в условиях острой конфронтации с Западом можно было дать югославам несколько больше самостоятельности, получив взамен искреннюю преданность и готовность поддержать СССР в стратегически важном для него регионе. Одно из несомненных достоинств работы Анিকেева заключается в том, что возникшая внутри советского лагеря коллизия рассмотрена им в контексте противоборства на Балканах и в Восточном Средиземноморье двух формирующихся политико-идеологических блоков. Интернационализированный советско-югославский конфликт придал новую конфигурацию межблоковым отношениям.

Важным средством его интернационализации явилась кампания руководства СССР по внешнеполитической изоляции режима Тито, сопровождавшаяся требованием немедленного подавления еретических проявлений в братских партиях. Наряду с опасениями Сталина потерять харизматическую роль лидера коммунистического мира, допустив полицентризм вместо жесткой иерархии, в ней проявились, по справедливому замечанию Анিকেева, и некоторые внешнеидеологические, сугубо геополитические мотивы, связанные с сохранением целостности советской империи.

Отказавшись подчиниться диктату Кремля и отстаивая собственные позиции, югославское руководство поначалу все же надеялось на его компромиссное урегулирование. (Москва давала для этого некоторые основания — в советской ноте от 11 февраля 1949 г. содержались обнадеживающие моменты, в частности тезис о том, что СССР в принципе считал бы желательным участие ФНРЮ в работе СЭВ.) Поэтому Белград хотя и не спешил с публичным покаянием, в то же время отдавал дань примирительной риторике и, самое главное, долгие месяцы не пересматривал своей внутри- и внешнеполитической стратегии, в основе которой лежала однозначная ориентация на СССР и советскую модель социализма. Корректировка этой линии, выразившаяся в активизации контактов с Западом, была не одномоментным шагом, а длительным процессом. Он набрал динамику с осени 1949 г., когда надежды на примирение со Сталиным рассеялись окончательно и со всей остротой встала задача выживания во враждебном окружении. При этом даже осенью 1949 г., когда в Будапеште прошел судебный процесс по делу Л. Райка с явно выраженной антиюгославской направленностью, Белград еще воздерживался от открытого демарша в ООН. И позже, как доказывает Анিকেев, при принятии Тито внешнеполитических решений немалую роль продолжали играть идеологические мотивы, долгое время сдерживавшие сближение с Западом и мешавшие вопреки очевидной экономической и военно-стратегической заинтересованности возобладать сугубо прагматической позицией. «Решительный отказ подчиниться диктату Кремля заставлял Тито и его соратников решать в первую очередь задачи, связанные с сохранением жизнеспособности Югославии в рамках избранной коммунистической модели развития» (с. 175; подчеркнуто мною. — А. С.). Некоторая идеологическая мутация, связанная с принятием в начале 1950-х гг. концепции самоуправления, стала вынужденным следствием установки на сбережение собственных ресурсов в сложных международных обстоятельствах при сохранении курса на продолжение индустриализации. В югославской внешней политике стали сочетаться прагматический (инструментальный) и доктринально-идеологический подход, причем все более доминировал первый.

Обусловленное идеологическими различиями недоверие к Западу подпитывалось и опасениями умиротворительной («мюнхенской») политики теперь уже по отношению не к Германии, а к СССР. Ее симптомы отчетливо проявились во время чехословацкого кризиса 1948 г. (Показательно, что в декабре 1949 г. на пленуме ЦК КПЮ Э. Кардель выразил предположение, что США могут согласиться на предложение СССР не вмешиваться в советско-югославский конфликт в обмен на более сдержанную советскую политику на международной арене.) Кстати, осенью 1949 г. США во избежание слишком острой реакции Москвы на выдвижение кандидатуры Югославии в Совет Безопасности ООН поначалу старались не допустить впечатления своей причастности к этому. Пересмотреть свою по-

зицию администрацию Трумэна заставили лишь опасения, что такая политика может быть интерпретирована Советским Союзом, только что прошедшим испытание атомной бомбы, как слабость США.

Надо сказать, что американская дипломатия уже весной 1948 г. увидела в титовской «ереси» первую попытку отрыва коммунистического государства от советского блока, а следовательно, вызов контролю Кремля над мировым коммунизмом (пока еще трудно было сказать, насколько серьезный вызов). Уже начиная с мая США осторожно прогнозировали возможность использования югославской «схизмы» в целях создания притягательного образца для других «народных демократий», с расчетом на последующую дезинтеграцию советского блока и

мирового коммунистического движения. Не исключая в будущем розыгрыша югославской карты в интересах сдерживания мирового коммунизма, в Госдепартаменте в то же время не предавались преувеличенным ожиданиям, что коммунистическая Югославия скоро станет частью западного мира. Более того, в целом признавалось, что внутреннее политическое устройство этой страны до некоторой степени является ее собственным делом, осуждению подвергались лишь «перегибы» при осуществлении репрессий против реальных и мнимых сторонников Коминформа в целях консолидации многонационального югославского общества.

К осени 1949 г. внимательное наблюдение в Вашингтоне за происходящим в Югославии сменяется заинтересованной поддержкой режима Тито (прекращение югославского вмешательства во внутренние дела Греции способствовало качественному прорыву в двусторонних югославно-американских отношениях). Бесповоротно вывести титовский режим из орбиты СССР и приблизить его к Западу предполагалось не посредством какого-либо политического давления, а путем экономической помощи. О характере, условиях и масштабах этой помощи можно получить представление из приведенных в монографии данных. Автором рассмотрен и вопрос о предоставлении США ставшей стратегически важной для них Югославии вооружений на случай агрессии со стороны советского блока.

Описание А. С. Аникеевым механизма интернационализации Москвой конфликта с Югославией нуждается в некоторых поправках. Так, Р. Сланский был убит в Чехословакии в 1952 г. не как «гитовист», а как агент международного сионизма. К этому времени антиюгославская кампания уже исчерпывает свой политико-пропагандистский потенциал, необходимость консолидации коммунистических режимов сталинского типа в странах «народной демократии» все более заставляла власти выискивать внутренних врагов и по другим направлениям. Далее. Компромат на конкретного восточноевропейского лидера, за годы своей карьеры не раз контактировавшего с югославским руководством, не всегда «запускался» именно Москвой, тогда как местные коммунисты оказывались лишь безынициативными исполнителями. Насколько можно судить из доступных документов (возможно, обнаружение новых источников заставит нас пересмотреть наши представления), главным инициатором дела Райка в Венгрии был все-таки М. Ракоши. Он чувствовал непрочность своего положения, недоверие Сталина к собственной персоне и решил проявить себя перед Москвой блестящим проведением показательного процесса, целиком вписывающегося в стратегические замыслы Кремля. Притом, что выбор конкретных кандидатур на осуждение был, скорее всего, за венгерской стороной, неоспорима решающая роль советников из советских спецслужб в технической подготовке процесса⁵. Можно согласиться с важным выводом Аникеева о том, что боязнь инфицирования коммунистов других стран югославской «ересью» определяла внешнюю политику СССР в самом широком плане: необходимость поддержания единства в стане союзников требовала перманентной конфронтации с Западом. Интересны наблюдения автора о роли в углублении советско-югославского конфликта канцелярской инициативы партаппаратчиков и мидовских чиновников, стремившихся угадать замыслы начальства. Поэтому поступавший по различным каналам в «верхи» компромат подливал масла в огонь, провоцируя Сталина на ужесточение проводимой политики.

Рассматривая эволюцию политики США в отношении Югославии и встречное движение режима Тито, автор уделяет должное внимание корейскому контексту. Он доказывает, что северокорейская агрессия 1950 г., поддержанная Китаем и (более опосредованно) СССР, рассматривалась в Белграде и столицах западных стран как возможный вариант развития событий и на Балканах. Поэтому режим Тито в 1950 г., с одной стороны, пытается избежать провоцирующих Сталина публичных заявлений, а с другой усиливает свою прозападную экономическую ориентацию и, более того, впервые проявляет склонность к сотрудничеству с США в вопросах долгосрочного военно-стратегического планирования. Именно с этого времени администрация Трумэна все более рассматривает Югославию как потенциального стратегического партнера Запада в сдерживании советской экспансии, а экономическая помощь Белграду становится для Вашингтона инструментом давления на Тито в целях интеграции Югославии с ее чрезвычайно выгодным геостратегическим положением в западные военно-политические структуры. «Москва своей политикой подталкивала Белград и Вашингтон навстречу друг другу, заставляя искать различные формы объединения для противостояния эвентуальной агрессии» (с. 306). Прагматичные югославские политики стали поднимать цену своего участия в западных стратегических проектах, проявляя меньше уступчивости на экономических переговорах, парируя часто звучавшие упреки в нарушении прав человека внутри страны⁶ и советы отказаться от чересчур амбициозных планов индустриализации.

Старые стереотипы восприятия «империализма» в югославских партийных кругах постепенно разрушаются, верх одерживает идея о возможности партнерских отношений с США, если даже ради этого придется поступиться некоторыми принципами. В то же время сохраняется, хотя и в несколько скорректированном виде, прежняя антизападная риторика, обращенная к внутренней аудитории (новым мотивом в ней стали утверждения о стремлении США и их союзников установить неравноправный характер отношений, превратить Югославию в полуколонию). Последовательным оставалось и нежелание Белграда связать себя долгосрочным и ко многому обязывающим военно-политическим соглашением с Вашингтоном. При всем при этом взаимосвязи с Западом развивались по восходящей линии, что вызывало все более яростные нападки Москвы. Из косвенных свидетельств, приводимых в работе Аникеева со ссылкой на западные источники, известно о разработке планов нападения СССР и его союзников на Югославию с венгерской территории. Эти замыслы, однако, так и не были реализованы. Думается, что на Сталина повлияли не столько избрание Югославии осенью 1949 г. в Совет Безопасности ООН и жесткие заявления Вашингтона, сколько силовой аргумент — успехи войск генерала

Д. Макартура в Корею. На этом фоне Кремлю действительно было трудно просчитать масштабы и характер американской реакции на агрессию против ФНРЮ. Возможное вмешательство США в военный конфликт с Югославией могло спровоцировать большую войну, к которой Сталин явно не был готов. Мы не склонны, вслед за Аникеевым, слишком переоценивать гибкость американской линии в отношении Югославии после 1949 г., для Вашингтона речь могла идти об элементарном проявлении здравого смысла во внешней политике.

Прагматизм югославской стороны в отношениях с Западом проявился среди прочего в ее стремлении увязать сотрудничество с НАТО с решением в свою пользу давнего территориального спора с Италией вокруг Триеста (этому кругу проблем в работе А. С. Аникеева посвящена самостоятельная глава). Важнейшей формой такого сотрудничества стал окончательно сложившийся уже после смерти Сталина Балканский пакт с участием Югославии и двух членов НАТО — Греции и Турции. Готовность ФНРЮ к сближению с балканскими членами НАТО США попытались использовать в интересах осуществления своей средиземноморской оборонной концепции. Однако длившаяся несколько лет дипломатическая борьба вокруг условий участия Югославии в этом региональном союзе завершилась в 1954 г. победой Белграда сразу на двух досках. НАТО так и не получила нового члена (Вашингтон был вынужден довольствоваться вступлением Югославии в ассоциирован-

ный с НАТО Балканский пакт), с другой стороны, Италия под давлением НАТО пошла на уступки, согласившись на большую часть югославского плана, раздела территории вокруг Триеста. После решения триестского вопроса Тито в значительной мере утратил интерес к Балканскому пакту. К этому времени в югославской внешней политике все более приоритетными направлениями становятся нормализация отношений с СССР, а с другой стороны, активизация сотрудничества с «третьим миром» на основе признания принципа неприсоединения. Образование Балканского пакта с участием Югославии было негативно воспринято в Москве, несколько замедлив процесс двустороннего сближения⁷. В то же время оно не воспрепятствовало проведению постсталинским руководством избранной линии на возвращение Югославии на орбиту советского влияния, нашедшей выражение в Белградской (июнь 1955 г.) и Московской (июнь 1956 г.) декларациях лидеров двух стран⁸.

Линия на сближение осуществлялась Москвой при встречном движении Белграда, который в то же время не забывал о необходимости сохранения дистанции, сопровождая каждый шаг в сторону Кремля многочисленными оговорками, адресованными в первую очередь США, оставшимся солидным донором. Ставший неизбежным с устранением непосредственной угрозы с Востока поворот лидеров ФНРЮ лицом к советскому блоку, который все труднее было совмещать с поддержанием активных связей с США, предопределила, по мнению автора, общность идеологий. Ведь подвергнув ревизии своей концепцией самоуправления некоторые положения сталинской догмы, югославские коммунисты в основном остались в ее рамках. Кремлевское руководство после смерти Сталина в свою очередь стремилось предотвратить возникновение центробежных тенденций в международном коммунистическом движении, для чего следовало нейтрализовать усилившееся в условиях смягчения международной обстановки влияние «дурного» югославского примера на другие партии. Кроме того, оно преследовало геополитическую цель укрепления СССР в Средиземноморье, что было призвано ослабить позиции НАТО в этом регионе.

VI съезд КПЮ (ноябрь 1952 г.), выступивший с совершенно неприемлемой для КПСС программой реорганизации правящей партии, а также создание Балканского пакта были вескими аргументами против слишком радикального сближения с режимом Тито. Изначально намеченная концепция предполагала нормализацию отношений с Югославией как с буржуазным государством. Ознакомление с приводимыми А. С. Аникеевым записками о перспективах советско-югославского сотрудничества, составленных в 1953—1954 гг. в МИД СССР, оставляет впечатление противоречивости установок. Некоторые ожидания, что хотя бы часть югославского руководства продемонстрирует верность идеям пролетарского интернационализма в их советском понимании, плохо сочетались с представлениями о режиме Тито как буржуазном. Более последовательно из всех советских лидеров этих представлений придерживался В. М. Молотов, раскритикованный за это на июльском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС, в условиях, когда под влиянием белградской встречи Н. С. Хрущева и Броз Тито в Москве возобладала точка зрения о явной недостаточности первоначально избранной стратегии. (Поправляя автора, заметим, что позиция Л. М. Кагановича и особенно Г. М. Маленкова в вопросе урегулирования отношений с Югославией не слишком расходилась с мнением Хрущева и других членов Президиума ЦК, о чем свидетельствуют не только принятое пленумом специальное постановление⁹, но и воспоминания Молотова, беседовавшего впоследствии на эту тему с публицистом Ф. Чуевым¹⁰.) Фактором, способствовавшим укреплению надежд на возможное в принципе возвращение СКЮ в советское идеологическое пространство, стало отстранение в начале 1954 г. со всех постов М. Джиласа, считавшегося в Кремле одним из наиболее непримиримых противников СССР. (Притом, что руководство СКЮ в диалоге с Москвой решительно отвергало любые интерпретации, ставившие прогресс в деле советско-югославского урегулирования в зависимость от смены лиц в белградской партийной иерархии.)

Советско-югославская встреча на высшем уровне в Белграде в мае — июне 1955 г. не оправдала скептицизма Молотова. Она в то же время показала и невыполнимость макси-

малистских планов Хрущева, нацеленных на более плотное пристегивание к советскому блоку страны, уже успевшей в полной мере вкусить плоды сотрудничества с Западом. Однако усилия, направленные на дальнейшее сближение с Югославией (уже не только на межгосударственном, но и на межпартийном уровне), были продолжены.

Задача была не из легких. Уже в самом начале процесса нормализации югославы дали понять Кремлю, что хотели бы начисто исключить патерналистский стиль из сферы взаимного общения. С течением времени в политике Тито все более отчетливо проявлялась решимость воплотить в действие стратегию политической равноудаленности от Москвы и Вашингтона с опорой на формирующееся движение неприсоединения, расширявшее возможности маневрирования в собственных интересах между различными центрами силы на международной арене. При этом идеологическая специфика СКЮ выполняла роль своего рода балансира, позволявшего «выравнивать» отношения ФНРЮ как с советским блоком, так и с западными партнерами. Попытка проводить независимый курс при одновременном восстановлении дружеских отношений с Востоком и сохранении выгодных экономических связей с Западом вела к постепенному оформлению новой внешнеполитической доктрины. В ее основе лежал адресованный в первую очередь «третьему миру» целостный образ югославской модели, способной, как тонко заметил А. С. Аникеев, не ситуационно, но концептуально взаимодействовать с различными системами, функционально выводить ФНРЮ за пределы межблокового конфликта. Эта модель позволяла Югославии поднимать цену своему участию в американских военных программах, с большей или меньшей выгодой торговать собственным стратегическим положением (в известном смысле даже своим суверенитетом), играя на противоречиях больших держав, и при необходимости активно выступать с критикой последних. Такая политика соответствовала государственным интересам ФНРЮ—СФРЮ и способствовала консолидации этнически разнородного сообщества. Отвечала она и растущим амбициям Тито, нашедшего в движении неприсоединения новый форум для их реализации.

Можно согласиться с Аникеевым: работая над примирением двух компартий на взаимоприемлемой идейной платформе и проявляя тем самым готовность к далекому идущему компромиссу, Хрущев рисковал, поскольку не только подвергал ревизии политику Сталина, но создавал угрозу размывания жесткой иерархической структуры социалистического лагеря, завещанной вождем. Тезис о многообразии путей к социализму, провозглашенный XX съездом КПСС, роспуск Коминформа в апреле 1956 г., снятие Молотова с поста министра иностранных дел СССР в самый канун приезда Тито в Москву 1 июня 1956 г. — все это воспринимается как звенья одной цепи. Все новые и новые жесты в адрес югославского руководства свидетельствовали о доброй воле Москвы и даже готовности поступиться некоторыми принципами.

Более того, Аникеев предполагает, что уже к началу июньского визита Тито Хрущевым задумывался новый тип отношений внутри социалистического лагеря со значительной ролью ФНРЮ и СКЮ в формировании обновленной модели, свободной от сталинских деформаций. Международный авторитет югославского руководителя, завоеванный смелым противостоянием Сталину, Хрущев стремился использовать в интересах «управляемой десталинизации» взаимоотношений в советском блоке. Эти замыслы, согласно гипотезе Аникеева, приобрели более определенные очертания во время сентябрьских—октябрьских встреч Хрущева и Тито в Югославии и в Крыму. Таким образом, комментарий посла ФНРЮ в СССР В. Мичуновича к известной «Декларации Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами» от 30 октября 1956 г. («как будто бы мы, югославы, сами написали ее») отражал не только мнение югославского руководства о появившемся документе¹¹, но и степень участия в его создании.

Скажем сразу, эта умозрительная версия представляется нам несколько спорной. При всей готовности КПСС к компромиссу с СКЮ весной—летом 1956 г. линия на компромисс

имела строго определенные границы. Вскоре после подписания в Москве в июне 1956 г. Декларации об отношениях КПСС и СКЮ тот же Мичунович, участвовавший в переговорах, записал в дневнике, что русские сразу же ясно дали понять лидерам стран советского лагеря: «то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»¹². Новый характер партнерства между Москвой и Белградом был действительно очень притягателен для более либеральной части партийных элит Восточной Европы (особенно Венгрии и Польши), что летом — осенью 1956 г. доставляло Кремлю немалые хлопоты, как и вообще сам факт существования югославской модели социализма. Жалобы на увлечение многих высокопоставленных коммунистов югославским опытом, предпочтение его советским образцам стали в это время общим местом в донесениях советских дипломатов из Будапешта и других восточноевропейских столиц¹³. Как видно из материалов встреч с лидерами ФНРЮ во время многодневного (1—23 июня) визита Тито в СССР, Хрущев, коммунист творческого начала, легко увлекавшийся новыми идеями, и сам был склонен кое-что заимствовать из югославской модели¹⁴. Со всей определенностью он высказывался и о своем нежелании толкать Югославию на разрыв с западными державами, СССР тоже был настроен на улучшение отношений с Западом. Тем более в Кремле не вызывало возражений и стремление ФНРЮ, не изменяя коммунистическим принципам, нести их в страны «третьего мира». Москва и сама в это время пыталась сделать антиколониальные движения стратегическим союзником. Путь в «третий мир» для нее мог лежать и через сближение с Югославией, ставшей фактически одним из инициаторов движения неприсоединения еще за несколько лет до его формального провозглашения в 1961 г.

Таким образом, поворот Москвы лицом к Белграду, с одной стороны, хорошо вписывался в новую советскую стратегию межблоковой политики. С другой же стороны, из записки Президиума ЦК КПСС по итогам сентябрьских—октябрьских встреч с Тито (пока не опубликованной) выясняется, что в отношениях СССР и ФНРЮ в сравнении с июнем произошел некоторый откат. Из уст Хрущева звучали в адрес югославов упреки, что те не хотят «шагать в ногу» с социалистическим содружеством. Конечно же, июньская декларация оставалась в силе, но этот документ едва ли считался в Москве оптимальным руководством к действию в отношениях даже с СКЮ, не говоря уже про другие компартии, вынужденные придерживаться прежней субординации в диалоге с Кремлем (мы не касаемся специфики отношений КПСС с компартией Китая). Уже через считанные дни после подписания июньской декларации Мичунович начинает сетовать на страницах своего дневника, и чем дальше, тем больше, на ее явное игнорирование советскими лидерами, уже, возможно, «раскаившимися» в том, что подписали этот документ.

Что же касается Декларации от 30 октября 1956 г., то, как явствует из опубликованных записей заседаний Президиума ЦК КПСС, ее идея возникла довольно спонтанно в процессе усиленных поисков путей разрешения острейшего венгерского кризиса. В этих условиях привычные силовые средства оказались исчерпанными и приходилось решительно менять тактику¹⁵. Дестабилизация в Венгрии требовала не только немедленных действий «пожарного порядка» в самой этой стране. Опыт польского и венгерского кризисов октября 1956 г. подсказывал необходимость некоторого пересмотра характера отношений между соцстранами во избежание распада всей системы.

Автор ошибается, утверждая, что именно намерение кабинета И. Надя выйти из Организации Варшавского договора ускорило военное вмешательство Москвы. На самом деле, принципиальное решение о силовой акции было принято еще накануне, когда советское руководство окончательно разочаровалось в возможности предостеречь мирными средствами перспективу утраты коммунистами власти¹⁶. Касательно встречи советских и югославских лидеров на острове Бриони в ночь со 2 на 3 ноября нам думается, что не особое доверие к мнению Тито заставило Хрущева и Маленкова, рискуя жизнью, вылететь в нелетную погоду в Югославию за считанные часы до осуществления решающей акции, от-

менять которую было уже поздно. Просто в Москве опасались шумного демарша с югославской стороны и пытались повлиять на лидеров дружественной партии¹⁷. Это явствует из мемуаров Хрущева, который был приятно удивлен полным согласием Тито с необходимостью скорейшего вооруженного вмешательства.

Возвращаясь к событиям февраля—марта 1956 г., отметим, что известное выступление Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС вызвало не столь уж однозначную реакцию восторга в руководстве СКЮ. Некоторые факты настолько сильно компрометировали коммунистическую идею, что югославы, еще в марте получившие текст выступления, так и не решились полностью его опубликовать, изложив в «Борбе» 20 марта общие его положения. Полностью секретный доклад Хрущева был впервые опубликован в СФРЮ только в 1971 г. в Загребе в период так называемой «хорватской весны», а в Белграде лишь в 1989 г.

А. С. Аникеев прав, утверждая, что Хрущеву и после отставки Молотова приходилось преодолевать сопротивление оппонентов дальнейшего сближения с Югославией, причем инерция антиюгославских настроений в определенной степени отражала борьбу различных тенденций в руководстве КПСС. Едва ли правомерно, однако, видеть проявление антихрущевской линии в письме от 21 ноября 1956 г. посла СССР в ФНРЮ Н. П. Фирибина — выдвигенца Хрущева и мужа Е. А. Фурцевой (в то время первого секретаря МГК и секретаря ЦК КПСС), всецело поддержавшей Хрущева в июне 1957 г. во время попытки отстранить его от власти. Ко времени написания этого письма, после того как И. Надя с соратниками укрылся в югославском посольстве в Будапеште, а Тито выступил в Пуле с критикой советской политики в Венгрии, успело произойти заметное охлаждение советско-югославских отношений¹⁸. К концу ноября критика югославского руководства за стремление составить конкуренцию КПСС на поле теории и практики строительства социализма, навязать другим партиям свою идеологию становится общим местом во внутривнутрипартийной документации КПСС. Начиная с декабря оживляется полемика и в партийной прессе¹⁹, где, правда, старались избегать слишком резких обвинений. Таким образом, посол Фирибин вряд ли отклонялся от общих установок. Показательно, что в его письме была подчеркнута необходимость продолжения линии на укрепление дружественных отношений с Югославией — одновременно с пресечением попыток оторвать от СССР народно-демократические страны.

Курс Белграда на сближение с Москвой, уже начиная с середины 1955 г., вызывал все большую озабоченность в Вашингтоне, где этот курс рассматривался в перспективе укрепления стратегических позиций СССР в Восточном Средиземноморье, а потому воспринимался как угроза интересам США. Главным вектором американской политики в отношении ФНРЮ становилось стремление удержать эту страну в орбите западного влияния, не допустить ее отхода от военно-политического сотрудничества с США. Такой отход в конечном итоге был бы равнозначен провалу всего предшествующего курса в отношении Югославии, стоимость которого к этому времени составила почти полтора миллиарда долларов. Все это до известной степени совпадало с устремлениями Белграда, явно не желавшего играть вспомогательные роли в кремлевских сценариях. С другой стороны, ФНРЮ все более последовательно декларировала свой нейтралитет и, кроме того, стремилась ослабить свою экономическую зависимость от Запада. Одновременно в действиях официальных югославских лиц проявилось намерение показать Вашингтону, что Белград не зависит от поставок американской военной техники, располагая альтернативными вариантами закупки вооружений. В изменившейся ситуации в Вашингтоне разворачивается

многomesячная дискуссия вокруг вопроса о характере и масштабах дальнейшей помощи Югославии. В Конгрессе сложилось мнение, что происходящий, пусть даже неполный возврат Белграда в орбиту Москвы должен автоматически повлечь за собой решительный пересмотр политики США вплоть до прекращения экономической поддержки. Госсекретарь Дж. Даллес был подвергнут критике Конгрессом и прессой за чрезмерную уступчивость в диалоге с коммунистическим режимом Тито.

В президентской администрации к концу 1955 г. также приходят к выводу о необходимости корректировки югославской политики США на основе сочетания гибкости с попытками давления. Однако позиция об экономической помощи этой стране не ставилась под сомнение, что аргументировалось особым положением Югославии среди коммунистических режимов. Даллес был уверен, что ее программный отказ от членства в Организации Варшавского договора, стремление дистанцироваться от участия в скоординированных внешнеполитических акциях советского лагеря соответствовали долгосрочным интересам безопасности всего западного сообщества. Прекращение американской поддержки неизбежно породило бы экономические трудности внутри страны, что привело бы к усилению советского контроля над Югославией. Между тем выход СССР к Адриатике резко ухудшил бы стратегические позиции Запада в Средиземноморье. Госсекретарь полагал, что без солидного донорства со стороны США титовский режим не сможет долго играть независимую роль на международной арене, а значит перестанет быть примером для той части политических элит в других коммунистических странах, которая видит в югославском пути реальную альтернативу подчинению советскому контролю. При этом в госдепартаменте были опасения, что слишком жесткая линия Конгресса только укрепит позиции ортодоксального и более просоветского крыла в руководстве СКЮ.

В Белграде, не отказываясь от выгодного экономического сотрудничества с США, вместе с тем считали унижительным для себя статус постоянного клиента Вашингтона, всецело зависящего от милости американских законодателей. Сделанное в середине октября 1956 г. заявление Белого дома, разъясняющее Конгрессу мотивы помощи Югославии, вызвало резкий отклик югославской стороны. 18 октября 1956 г. МИД ФНРЮ опроверг американское утверждение о существующей со стороны СССР угрозе югославской независимости, которой можно было бы избежать лишь при помощи США. Однако через считанные недели вследствие венгерских событий в Югославии вновь возникает синдром советской угрозы, что было использовано в целях укрепления позиций США в ФНРЮ. В мае 1957 г. принимается решение об отмене ранее введенных ограничений на поставки вооружения в Югославию, что мотивировалось стремлением помочь ей в обеспечении безопасности в условиях перевооружения стран Варшавского договора. Ставится вопрос о визите Тито в США, впрочем, так и не состоявшемся. Временные позитивные сдвиги в диалоге ФНРЮ с советским лагерем с середины 1957 г. вызвали новую волну критики в Конгрессе США, угрозы лишить Югославию экономической и военной помощи. Все это продолжалось до тех пор, пока, отказавшись подписать в ноябре 1957 г. документ Совещания компартий в Москве, Тито снова не испортил отношения с Хрущевым. Новый мини-конфликт с Москвой, достигший своей кульминации весной 1958 г. вследствие публикации проекта новой программы СКЮ, очень не понравившегося руководству КПСС, был в определенном смысле на руку югославским лидерам. Они в конце концов получили от США согласие на очередные долгосрочные кредиты (однако ситуация была другой, нежели в 1949 г., когда от помощи Запада зависело выживание режима).

Соперничая друг с другом за влияние на титовскую Югославию, ни СССР, ни США не могли достичь решающего успеха. Советская модель социализма, а тем более характер отношений внутри советского лагеря были непривлекательны для югославской элиты, руководствовавшейся в диалоге с Москвой сугубо прагматическим подходом. С другой стороны, был не слишком эффективен инструментарий американской политики — переход от введения различных ограничений и санкций до их снятия в зависимости от состояния отношений Югославии с советским блоком в данный конкретный момент. В упорной дипломатической борьбе за Югославию успех был в первую очередь за Белградом, неплохо игравшим в своей внешней политике сразу на нескольких досках, включая движение неприсоединения. Это позволило, компенсируя низкую эффективность югославской модели социализма, на несколько десятилетий сохранить жизнеспособность коммунистического режима в раздираемой острыми межэтническими распрями стране. Однако победа оказалась

временной. Можно согласиться с А. С. Аникеевым: «После смерти Тито в 1980 г. оставшаяся без харизматического лидера Югославия вступила в полосу кризиса, вызванного межнациональными противоречиями, и постепенно теряла остатки своего былого международного авторитета, оказываясь (управляемая недалёковидными политиками) в положении регионального изгоя, которого в итоге взяли жестоко «проучить» бывшие западные покровители, при почти полной апатии потерявшей к этому времени свой имперский статус Москвы» (с. 307—308).

¹ Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945—1957). М., 2002. (В дальнейшем ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием в скобках номера страниц.)

² См. также: Л. Я. Гибианский. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / Отв. ред. В. К. Волков и Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 405—501.

³ См.: *Гибанский Л. Я.* Сталин и Триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война / Отв. ред. акад. А. О. Чубарьян. М., 1998. Югославские лидеры питали иллюзии, что активное участие в вооруженной борьбе с Германией дает им право выдвигать перед союзниками ряд политических (в том числе территориальных) требований, которые иной раз шли вразрез с существующими внутри «большой тройки» договоренностями.

⁴ См.: *The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949.* Ed. by G. Procacci, G. Adibekov, A. Di Biadgio, L. Gibianskii, F. Gori, S. Pons. Fondazione Feltrinelli, Annali, N. XXX. Milano, 1994. На русском языке: *Гибанский Л. Я.* От первого до второго совещания Коминформа // Совещания Коминформа. 1947. 1948. 1949. Документы и материалы. М., 1998; *Он же.* Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Там же.

⁵ См.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949—1953. Очерки истории. М., 2002. См. также опубликованное на русском языке свидетельство одного из обвиняемых по «делу Ласло Райка», написанное пером талантливого литератора и в то же время не искажающее реальной сути событий: *Сас Бела.* Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. Перевод с венгерского Е. Малыхиной. Общее редактирование, комментарии и послесловие В. Середы. М., 2002. На англ. яз. см.: *Szasz Bela.* Volunteers for the gallows: Anatomy of a show-trial. New York, 1971.

⁶ В этом контексте можно, на наш взгляд, сослаться на документально-публицистическое произведение сербского литератора, который сам был узником титовского «ГУЛАГа», а затем отдал немало сил исторической реконструкции событий начала 1950-х гг.: *Михаилович Драгослав.* Голый остров. Разговоры с друзьями. Предисловие А. Н. Яковлева. М., 2001. В этой книге раскрывается репрессивный механизм титовской Югославии после разрыва с Москвой, приводится большая фактический материал о нарушениях законности, жертвами которых стали отнюдь не только политические противники Тито.

⁷ Позже Москва откорректировала свое отношение к Балканскому пакту. Согласно приводимым А. С. Аникеевым архивным документам, в канун приезда Тито в СССР в июне 1956 г. в советских внешнеполитических кругах высказывалось мнение о том, что дружественный характер советско-югославских отношений позволит рассчитывать на возможное использование Югославией своего влияния в Балканском союзе в интересах консолидации демократических сил в Греции и Турции и улучшения отношений этих стран с социалдемократическим лагерем. Сам Хрущев не придавал в это время какого-либо значения Балканскому пакту, заявив в ходе переговоров с Тито о том, что дружественные советско-югославские отношения превращают этот союз в «мыльный пузырь» (с. 273). Что же касается руководства ФНРЮ, то интерес к Балканскому пакту с югославской стороны находился в определенной зависимости от состояния отношений с СССР. Новое сближение Белграда с союзниками по пакту, прежде всего Грецией, произошло лишь вследствие венгерских событий 1956 г., в условиях временного охлаждения отношений с Москвой.

⁸ Из литературы о советско-югославском сближении в 1955—1956 гг. см.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. (вступит. ст. А. Б. Едемского) // Исторический архив. М., 1999. № 2; *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917—1990-е годы). М., 1999. С. 140—195; *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; *Стыкалин А. С.* Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 гг.) и внутривосточная ситуация в Венгрии //

Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Отв. ред. академик Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина. СПб., 2002. С. 323—345.

⁹ Предпринятая в 1999 г. публикация материалов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г., посвященных советско-югославским отношениям, осталась незавершенной. См.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. М., 1999. № 2, 5.

¹⁰ «По Югославии насчет Тито я выступал в 1953—1954 годах на Политбюро — меня никто не поддержал, ни Маленков, ни даже Каганович, на что уж сталинец был!» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 116).

¹¹ Текст Декларации от 30 октября 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 464—466. См. также: Правда. 1956. 31 октября.

¹² См.: *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917—1990-е годы). С. 159; *Miuunovič I.* Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 93. Дневник Мичуновича, неоднократно переводившийся (как правило, во фрагментах) на другие языки, известен в кругу исследователей международных отношений середины 1950-х гг. как ценный источник.

¹³ В донесениях посла СССР в Венгрии Ю. В. Андропова говорилось о «недружественных» СССР высказываниях и действиях югославских дипломатов, критике ими советской системы, об их контактах с венгерской внутривластной оппозицией. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Раздел II. Углубление внутривластного кризиса после июльского пленума ЦК КПСС (июль — октябрь 1956 г.).

¹⁴ В отношениях импульсивного Хрущева к югославской модели наблюдались свои «приливы» и «отливы». Месяцы острой критики в его устах «потребительского социализма» за американский счет (первая половина 1957 г., 1958 г.) перемежались периодами увлечения идеей самоуправления. Многие зависело от состояния отношений СССР и ФНРЮ в данный момент. Сказывались и личные впечатления советского лидера, вынесенные из поездок в Югославию, особенно из весьма удачной поездки 20 августа — 3 сентября 1963 года. Ю. В. Бернов, работавший в 1963 г. в отделе ЦК КПСС по связям с компартиями соцстран, вспоминает о том, с каким неудовольствием воспринял скептически относившийся к югославской модели его шеф Андропов поручение Хрущева о конкретном изучении югославского опыта самоуправления в целях его последующего внедрения на советских предприятиях. См.: *Бернов Ю. В.* Записки дипломата. М., 1995. С. 81—82. Следует добавить, что со своей стороны Югославия всегда предпринимала активные попытки пропагандировать преимущества собственного пути строительства социализма.

¹⁵ См. в первую очередь записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 28 и 30 октября: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 432—439, 457—462.

¹⁶ См. запись заседания и постановления Президиума ЦК КПСС от 31 октября. Там же. С. 479—487.

¹⁷ См. выполненную послом ФНРЮ в СССР В. Мичуновичем запись брионской встречи. Там же. С. 524—533.

¹⁸ См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И.Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь — декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000. № 1. С. 70—81.

¹⁹ См.: Румянцев А. Социалистическая действительность и «теории» тов. Э. Карделя (По поводу выступления Э. Карделя на сессии Союзной народной скупщины в Белграде 7 декабря 1956 г.) // Коммунист. 1956. № 18. С. 11—34.